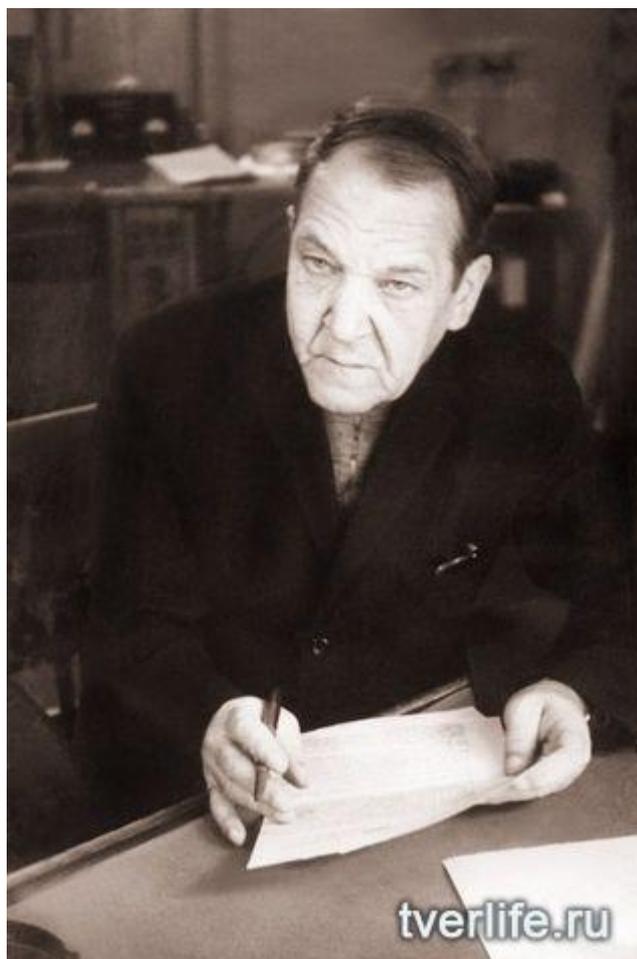

Улицы Ржева пахли яблоками...

Из записок журналиста.

В истории тверской журналистики XX века немало славных имен, интересных судеб, биографий... Сегодня мы рассказываем о секретаре газеты «ТЖ» – тогда она называлась «Тверская правда» – Василии Яковлевиче Ходакове (1903–1978).

Он пришел в газету в 1924 году. За плечами была бежецкая гимназия, служба в Красной Армии... После демобилизации в марте 1922 г. Василий Ходаков вернулся в родной Ржев, вступил в партию, работал секретарем ряда уездных комитетов комсомола, заведовал отделами уездных комитетов комсомола. Работа в «Тверской правде» стала первой ступенькой в журналистской карьере Василия Ходакова, потом он работал главным редактором «Ржевской правды», с 1931 года был редактором газеты «Красное знамя» во Владивостоке, в 1933–1936 годах он собственный корреспондент «Правды» по Дальневосточному краю. В 1934 году

летал брать интервью у Валерия Чкалова на остров Удд, а в 1936 году переведен в Москву корреспондентом «Правды». Участвовал в Финской кампании, с первых дней Великой Отечественной войны заведовал фронтовым отделом ТАСС; с 1943 года корреспондент ТАСС на Юго-Западном направлении. Награжден орденами и медалями. Василий Ходаков хорошо знал Аркадия Гайдара, Бориса Полевого, Льва Кассиля. Войну закончил в Вене. После войны работал в Совинформбюро, радиокомитете и ряде центральных газет.

Сегодня впервые мы предлагаем читателям «ТЖ» фрагмент «Воспоминаний» Василия Яковлевича Ходакова.

«Город, где я родился, – Ржев. Я помню его тихие, поросшие мелкой травой улицы, опрятные деревянные домики за высокими заборами, лавочки у ворот с сидящими на них под вечер опрятно одетыми строгими хозяйками в темных платках, повязанных поверх повойников. Любили на них посиживать, посматривая по сторонам, бородатые хозяева в длиннополых сюртуках, смазных сапогах и в черных фуражках с высокой тульей.

Затворнический, ограниченный собственными интересами быт горожан отражал род их занятий и интересов. За заборами постукивали молотки и молоточки. Улицы пахли яблоками, сеном, смолой, кожами и пенькой.

Рядом с нами жили Сазоновы. Туда мы, дети, любили наведываться. В маленькой баньке, стоявшей на огороде среди лопухов и кустов бузины, с утра до вечера постукивали молоточки Паши Сазонова, искусного мастера икон... На наших глазах большие листы серебра, наложенные на слой черного вара, которым предварительно заливалась доска, покрывались пунктирным рисунком. Постукивая молоточком по длинным тупым разнокалиберным гвоздочкам, Паша превращал контур рисунка в рельеф, углубляя и вдавливая, где нужно, серебро в вар.

...И вот тусклые листы серебра становятся уже рельефной картиной: святые в серебряных ризах обступают женщину-деву Марию с ребенком на руках. Много дней мы бегаем <к нему> и, затаив дыхание, молча, наблюдаем за Пашиной работой. Наконец наступает самое интересное. Паша подогревает вар, легко снимает с него пластинки, отпускает их в кислоты, отмывает, оттирает. И вот уже и серебро, и золото сверкают. А потом мы видим их прикрепленными к новенькой, пахнущей деревянным маслом иконе и поражаемся Пашиному мастерству.

Отец, как я уясняю это себе, из рода обедневших дворян. Земли и поместья у них не было. Но какой-то почет у их многочисленной семьи был. Мой дед Яков Иванович Ходаков имел какой-то вес в Новгородском дворянском обществе. Он был женат на Лишевой, дочери генерала Лишева, родной сестре (или двоюродной) ленинградского скульптора Лишева, недавно умершего. Она окончила Смольный институт, где была любимой ученицей известного педагога Водовозова и восприняла от него педагогические принципы. Но в общем-то я помню ее барыней.

Слышал из рассказов, что вскоре после окончания ею института ее близости домогался император (Александр I или II). Но она отвергла его предложения и вынуждена была удалиться из этого круга и перейти на собственную орбиту. Так она стала женой Я.И. Ходакова и нарожала ему шесть дочерей и четверых сыновей.

Деда я помню, но представление о нем у меня смутное. Остались в памяти отдельные приезды в нашу семью. Задолго перед его прибытием у нас начинался переполох. Все чистилось, скоблилось, обставлялось заново. Мать вела бесконечные совещания с кухаркой. Приезд деда и бабушки наполнял дом необычайным напряжением, невыносимым для нас, детей. Надо было знать, как ступить, как шаркнуть ножкой или сделать реверанс, как ответить, чтобы мать не пришла в ужас от нашей невоспитанности.

Запомнилась еще деталь: за столом появлялась водка, которой обычно у нас никогда не бывало. Дед любил выпить. Как будто и обеднение его в свое время было связано с этим.

Разбираясь позже в укладе семьи, я пришел к такому выводу. Мать, будучи ржевской мещанкой, пыталась создавать обстановку, отвечающую уровню дворянской семьи, как она это себе представляла. Отец же мой никоим образом не являлся спесивым баринном. Он, конечно, следовал общепринятому в таких семьях этикету и придерживался принятого в интеллигентных семьях порядка. Но о нем нужно сказать отдельно.

Ни один из членов семьи деда не был собственником. Дед ни себе, ни детям не оставил никакой недвижимости. Дочери (мои тетки) повыходили замуж за чиновников. Сыновья же (мои дяди) – кто-то был чиновником, один – художником, а отец мой – землемером.

Он окончил сельскохозяйственную школу, получив широкое агрономическое образование. Он хорошо знал землемерию, а также лесоводство. Именно в области эксплуатации лесов он и работал, будучи таксатором лесов Петербургского удельного ведомства. Эта работа была связана с постоянным пребыванием летом в лесах, а зимой в городе, где отец выполнял так называемые камеральные работы, т.е. обрабатывал подготовленные летом данные, вычерчивая карты лесных угодий, подсчитывая по логарифмическим таблицам объемы древесины разных пород леса по делянкам и лесосекам, а также определяя эксплуатационные возможности лесных массивов на такой-то год.

Мать по образованию была учительницей. Она окончила гимназию с золотой медалью. Преподавала до появления у нее многочисленной семьи. Увлекалась педагогической и медицинской литературой. Однако в педагогическом отношении больше всего семье давал отец. Все свое свободное время он отдавал детям. Не скажу точно, каких он был убеждений, но его взгляды и симпатии, как я понимаю теперь, складывались под сильным влиянием народовольцев.

Его любимыми поэтами были Некрасов, Шевченко. С их произведениями мы знакомы с раннего детства. Он любил народные песни и прививал эту любовь и нам. Он был правдив и искренен и того же требовал от детей. Он читал нам вслух Тургенева, Гоголя, Толстого. С детства мы хорошо знали Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева и других поэтов. Он привил нам также любовь к литературе, героями которой были люди, готовые прийти на помощь слабым, чтобы отстоять справедливость. Марк Твен, Чарльз Диккенс, Фенимор Купер, Майн Рид и многие произведения других писателей стали знакомыми нам с детства благодаря отцу.

Он прививал нам знание природы и любовь к ней. Летом его работа была своеобразной. Следуя к месту, где предстояло работать отцу (в конечном счете, одних детей к 1917 году набралось восемь человек, да позже родилось двое), семья размещалась в доме лесника. Отец набирал в деревнях 7–8 рабочих и с ними изо дня в день уходил в лес для таксационных работ. Работал он напряженно. Они уходили затемно и возвращались иногда поздно вечером. Он никогда не делал себе скидок, и все лето проходило у него в труде.

...Во многих глухих лесных местах Новгородской и Петербургской губерний мне пришлось побывать в детстве. Я тогда полюбил русский лес и узнал его. Думая потом в 30-х годах об учебе, я хотел поступать в лесную академию. Но не пришлось. Зато я побывал на Дальнем Востоке и быстро привык к этому таежному краю, он мне живо напомнил места, нравившиеся с детства».